

заключается в передаче молодому поколению универсальных ценностей традиционной культуры, в накоплении, приросте и систематизации знаний на высоком академическом уровне, в возможности самостоятельно мыслить, осваивать и применять накопленные знания и умения, и, наконец, в раскрытии духовного потенциала личности как гарантии обретения (а для современной культуры – восстановления) ее целостности. Именно в наше время, когда личность подвергается трансформации и кризису, данная модель имеет непреложную значимость и несомненный потенциал.

Список источников

1. Лотман Ю.М. Женское образование в XVIII – начале XIX века / Ю.М.Лотман // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII- начала XIX века). – СПб: Искусство-СПБ, 1998. – С.75-88.
2. Розанов В.В. Семья как истинная школа/ В.В. Розанов // Розанов В.В. Сумерки просвещения. – М.: Педагогика, 1990. – С.219-227.
3. Горячева И.А. Учебные книги К.Д. Ушинского как образец педагогической классики / И.А. Горячева. – Екатеринбург: Артфакт, 2019. – 304 с.
4. Ильин И. Путь духовного обновления/ И.Ильин // Ильин И. Основы христианской культуры. – СПб.: Шпиль, 2004. – С. 64-351.
5. Филарет, Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Традиции и перспективы православного образования в III тысячелетии / митр. Филарет // Филарет, Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Путь жизнеутверждающей любви. – К.: Дух і літера, 2004. – С.124-134.
6. Лазарев Ю.В. Преподаватели словесности в дискуссии о реальном и классическом образовании (1861-1864 гг.) / Ю.В. Лазарев // Вестник Череповецкого государственного университета, 2011, № 4, – С. 168-171.

***В.К. Лукашевич**, главный научный сотрудник*

lukashevich46@bk.ru

ГНУ «Институт философии НАН Беларуси» (Минск)

В.К. Лукашевич. ЭЛЕМЕНТЫ АМБИВАЛЕНТНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ БЕЛОРУССКОГО СОЦИУМА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Исследователи белорусской духовной культуры по разным причинам не очень часто отмечают элементы амбивалентности в менталитете белорусского социума. Однако, в реальности это существенный фактор динамики его праксеологического ресурса. Элементы амбивалентности в

менталитете белорусского социума как фактор консервации его праксеологического ресурса начали проявляться в поздний период истории Великого княжества Литовского, когда объективный ход политических событий не способствовал развитию хозяйственно-торговой активности населения. Наряду с ориентацией на поиск новых социально-экономических форм, в частности, кооперации родственников и близких знакомых, совершенствование арендной организации хозяйственных связей и др., заметно проявлялась установка «выждать», пережить неблагоприятствующие времена, сохранив существующий социально-экономический уклад.

Такого рода установки доминировали у представителей практически всех социальных слоев, за исключением политической элиты, т.е. феодалов. Они были основными владельцами земли – главного богатства нации – и соответственно были заинтересованы в укреплении и расширении государства, которое все более и более совершенствовало хозяйственные отношения на пользу крупных землевладельцев. В 1528 году они составляли 19% от общего количества землевладельцев и владели 46,4% земельных угодий. В результате реализации аграрной реформы 1557 г. (основной документ «Устава на волоки») они еще более укрепили свои позиции, поскольку лучше представителей других сословий знали направленность реформы, в целом носившей прогрессивный экономический характер. При проведении реформы не существовало регламентации или ограничений в наделении крестьян землей. Крестьянское хозяйство могло взять волоку (около 20 га) или ее часть, но при этом сохранялось количество повинностей, которые выполнялись с одной волоки и распределялись соответственно на одну или несколько семей.

Возникает вопрос: откуда в таком случае амбивалентные настроения? Наиболее общий ответ, соответствующий действительным обстоятельствам, а именно, в фактическом и юридическом окончательном оформлении в ВКЛ крепостного права. В начале этого процесса доминировали экономические факторы. Первоначальные земельные наделы крестьян не были малыми. Их последующее практически повсеместное уменьшение – это в основном результат роста населения и индивидуализации крестьянской семьи. В конце 16 в. – первой половине 17 в. на западе Беларуси средний земельный надел составлял 0,71 волоки, на востоке Беларуси – 0,82 волоки.

В соответствии с «Уставом на волоки» соотношение величины пахотной земли в великокняжеских хозяйствах («фальварках») и крестьянских хозяйствах составляло 1:7. Надел отводился в трех полях, что принудительно обеспечивало трехпольный севооборот – важный фактор роста урожайности. Однако объемы повинностей (в том числе в виде прямых денежных выплат) росли далеко не всегда в согласованности с условиями ведения хозяйства. Они зависели от желания феодалов, подрывали позитивные результаты земельной реформы. В целом стоимость крестьянских повинностей с одной волоки земли среднего качества (этот параметр учитывался законодательно)

составлял значительную сумму, на которую можно было купить на рынке 1 вола, 6 баранов, 1 свинью, 20 кур и 4 гуся [1, с. 92].

Главная цель аграрной реформы 1557 г. – повышения доходности феодального хозяйства было достигнута, но преимущественно внеэкономическими методами. Например, в 1594 г. слонимский староста Лев Сапега увеличил повинности на 50–80%. Подобные волевые действия постепенно оформлялись юридически: в «Привилеях» для шляхты 1387, 1432, 1434, 1447 годов; в Статутах Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг. и «Уставом на волоки» (1557 г.), которым крестьяне фактически закреплялись за земельными наделами и не имели права распоряжаться ею без согласия феодала. Крестьянские семьи закреплялись за волокой земли или ее частью, становились как бы дополнением к ней, частью собственности феодала. Крестьянин не мог без его позволения идти внаем, он стал объектом залога, купли-продажи как с землей, так и без нее.

Соответственно экономический подъем второй половины 16 – первой половины 17 ст. в аграрной сфере оказался непродолжительным, тем более, что постепенно в недрах феодальной системы зарождались новые экономические отношения за счет ремесленного производства и торговли. Преимущественно их успехи и дали основания говорить о «золотом веке» белорусов в эпоху Великого княжества Литовского. Ремесла развивались вокруг замков феодалов, в местечках (небольших поселениях городского типа – своеобразного аналога нынешних агрогородков), городах. Во второй половине 16 в. большая часть населения белорусских городов занималась ремесленничеством. Документы свидетельствуют о более, чем 100 ремесленных профессий и специальностей; в начале 17 ст. их количество удвоилось. Основной стала работа не на заказ, а на продажу. Возникли ремесленные цехи и купеческие гильдии, разворачивалось строительство дорог.

В целом к середине 17 в. в ВКЛ насчитывалось 757 городов и местечек, основное население которых (80%) составляли белорусы. Во многих из них наблюдалось взаимодополнение древних традиций самоуправления с нормами магдебургского права (всего в 1597 г. в более, чем 40 городах и местечках).

Беда пришла извне. Это были практические непрерывные войны (антифеодальная война 1648–1654 гг.; война России с Речью Посполитой 1654–1667 гг.; польско-шведская война 1655–1660 гг. и Северная война 1700–1721 гг.) Многие населенные пункты были разграблены и сожжены; резко сократилось количество населения (с 2,9 млн. в довоенный период до 1,5 млн. к концу Северной войны); значительно сократилась площадь пахотных земель (например, в начале 18 в. в Берестейской экономике пустовал 41% волок, в Гродненской – 71,5%); феодальная анархия в экономике тормозила процессы восстановления, особенно в тех местах, где применялась феодально-арендная организация аграрного производства; неустойчивая политическая ситуация, борьба магнатов между собой

подрывали восстановление ремесел и торговли. В целом к середине 18 ст. хозяйство белорусских земель не достигло уровня середины 17 века.

В этой обстановке начали довольно выразительно проявляться амбивалентные ориентации у представителей большинства социальных групп: в крестьянской среде периодически напоминали о себе склонности к общинному самоуправлению наряду с мечтой о ведении собственного рентабельного хозяйства; среди ремесленничества и купцов отчаяние по поводу потери былой относительной самостоятельности и надеждой вернуть ее соседствовали с готовностью строить дело под патронажем феодалов; в стане феодалов амбивалентность ориентаций проявилась в желании сохранить привилегии мелкой и средней шляхты наряду с озабоченностью отсутствием эффективно функционирующей центральной властной структуры (ее работу как известно нейтрализовало право «свободного вето», так за период 1662–1764 гг. из 55 сеймов 42 были сорваны наложением вето).

Дальнейшие события отмечены урегулированием внутригосударственного устройства: ограничивалось право вето, создавались отраслевые органы управления, в 1775 г. были установлены законы, которые позволяли белорусским мещанам приобретать феодальные хозяйства, а шляхте заниматься предпринимательством и торговлей без потери своих шляхетских прав. Это во многом обусловило начало разложения феодально-экономической системы, возросла товарность ремесел, уменьшилось количество цехов, зародилась мануфактура (первоначально вотчинная, т.е. в маёнтках крупных феодалов, где была дешевая рабочая сила – крепостные крестьяне). Однако своеволие магнатов, их претензии на политическое влияние и власть все же не удалось существенно ограничить, что привело в конечном счете к потере Речью Посполитой государственного суверенитета и ее разделам, в результате которых белорусские земли вошли в состав Российской империи. Это внесло некоторое оживление в их хозяйственную жизнь. Однако, наряду с устранением шляхетского своеволия, ухудшилось положение городского населения (было ликвидировано магдебургское право) и в целом налоги в центральную казну России по свидетельству В. Игнатовского возросли почти в 6 раз [1, с. 121]. В итоге наблюдался постоянный рост недоимок государственных налогов. К 1856 году по данным министра внутренних дел государственные долги и недоимки крестьянских хозяйств по Беларуси составили около 8 млн. руб. из общей суммы по России в 23 млн. руб. Земельная реформа 1861 г. проходила трудно и малоэффективно.

Протестные выступления крестьян, совпавшие по времени с национально-освободительным восстанием (1862–1864 гг.) были ожидаемы, и, что важно, результативными. С марта 1863 г. выкупные платежи крестьян за землю были уменьшены в Минской губернии на 74,5%, в Гродненской – на 68,8%, Виленской – на 64,9%, Могилевской – на 23,8% [1, с. 150]. Средние размеры наделов бывших помещичьих крестьян Беларуси (4,2–5,7 десятины) оказались выше, чем в России (3,3 десятины).

Однако не столь ожидаемы оказались реальные последствия в динамике социально-экономического менталитета белорусского крестьянства. В очередной раз проявилась его амбивалентность, на этот раз «по географическому» признаку. Крестьяне, проживающие в западных районах Беларуси, усилили ориентации на создание собственных хозяйств, обремененных разного рода налогами и повинностями, но получившим статус самостоятельной хозяйственной единицы, где ее владелец получал возможность строить свою работу более интенсивно и эффективно. В восточных районах по-прежнему остались доминирующими ориентации на ведение хозяйства в условиях его общинной организации с ее круговой порукой, привязывающей их как к земле, так и к помещику, тормозящей организационные, агротехнические и торгово-финансовые нововведения. Для обеих ориентаций имелись собственные историко-культурные и природно-географические предпосылки, но это не меняло суть и значение отмеченных различий. В итоге центральные и западные районы Беларуси, развивая агросектор по новому, капиталистическому пути, стали существенно опережать восточные.

Дальнейшие события показали не столько качественные изменения в менталитете крестьянской массы белорусов, сколько были отмечены напряженными усилиями и населения, и властей преодолеть реликтовые явления крепостничества. Во второй половине 19 ст. помещики удерживали в своем владении свыше половины лучшей земли, а бывшие помещичьи крестьяне (около 40%) получили наделы, недостаточные для самостоятельного ведения хозяйства. Отдельные «нестандартные» явления (некоторые крестьяне в 70-е годы смогли купить в частную собственность земли площадью в несколько десятков, сотен и даже 2400–2800 десятин) не приводили к качественному изменению ситуации. При этом следует отметить как оригинальное явление преимущественную покупку земли не отдельными хозяевами, а товариществами – это свидетельство не только экономических, но и ментальных сдвигов в среде белорусского крестьянства [1, с. 163–164].

Потребовались более масштабные и глубокие реформы, реализованные как «земская» и «стольпинская». Однако и они не смогли коренным образом изменить полуфеодальный характер агросектора в целом, но достаточно четко обозначили достигнутые рубежи и вектор дальнейшей эволюции социума, а вместе с этим и изменения в его ментальности. «Отмена крепостного права, – отмечают белорусские исследователи В.Н. Сидорцов, И.А. Кандыба, М.М. Равченко. – череда реформ, следовавших за ней, восстание 1863 г., общая внутривосточная нестабильность поначалу могут показаться началом хаотических процессов, приведших впоследствии к распаду империи, однако при более внимательном рассмотрении становится ясным главное – все эти события, происходящие в ускоренном, непривычном для простого человека темпе, способствовали изменению общественного сознания. Человек по-иному стал смотреть на окружающий

мир и оценивать его, равно и оценивать себя и свои возможности в этом мире. В этом и заключается главная ценность событий на стыке двух веков – впервые в истории маленький человек получил официальное право выбора, осознания себя как самостоятельной личности, способной на независимые поступки. Конечно, здесь уместно говорить лишь о предпосылках, кардинальная ломка сознания произойдет чуть позже, но именно в этом периоде кроются ответы на многие вопросы, возникшие в XX веке» [2, с. 24].

Авторы цитируемого коллективного труда анализируют социально-политические и ментальные процессы в Беларуси в широком временном контексте, что делает их обобщения фундаментально обоснованными и правдоподобными. Внушает доверие и методология исследования, в основе которой лежат идеи исторической синергетики. В соответствии с ними судьбоносные для белорусов исторические периоды квалифицируются посредством понятий порядка, переходности (хаоса) и стабилизации (нового порядка). В соответствии с таким подходом изменения социально-политических и экономических условий детерминировали ментальные изменения в социуме достаточно определенным образом. Поэтому непродолжительный период НЭПа они квалифицируют как режим хаоса, эволюционирующий в новый порядок под мощным воздействием государства. Они также акцентируют решающее значение процессов индустриализации и коллективизации. «Чтобы глубже разобраться в их последствиях для простого человека, необходимо уяснить, что классовый подход, являющийся идеологической платформой репрессивного механизма тоталитарного государства, стал одновременно основой всех преобразований, имевших место в политической, экономической и культурной жизни народа. Народ был объединен в единую социальную группу, называемую «пролетариат». Все действия людей, их попытки приспособиться к быстро изменяющейся системе, несмотря на оригинальность некоторых из них, происходили исключительно в рамках, заданных государством» [2, с. 69].

Соответственно весь последующий период (до конца 80-х гг.) внешне демонстрировал отсутствие сколь-нибудь весомых причин амбивалентности в менталитете «пролетариата». Некоторое исключение составляло население Западной Беларуси, где интенсивно развивались капиталистические отношения. Но не следует забывать, что развитие капиталистической системы хозяйствования сопряжено с экономическими кризисами и глубоким социальным расслоением. В Западной Беларуси, несмотря на ее заметные аграрные успехи, голод среди населения был знакомым явлением. Этим во многом объясняются тоска по «справедливому устройству» на территории Восточной Беларуси. Знакомые приоритеты расставила Великая Отечественная войны, в ходе которой в полной мере проявился потенциал коллективизма в его практических формах: от участия в боях на фронте, в рядах сопротивления партизан и подпольщиков до поддержки населением всего, что было направлено на победу над фашистской Германией.

В настоящее время дихотомия «Восток–Запад» в характеристике менталитета белорусов сохраняется, но все более и более приобретает «общеευропейский» культурно-цивилизационный тип. Отчетливо выраженный патернализм и псевдоколлективизм советской эпохи эволюционирует в направлении социально-ориентированных экономики и государства. В массовом сознании белорусов преобладают высокие требования к социально-экономической политике государства. Согласно серии опросов, проведенных сотрудниками кафедры философии БГЭУ в 2008–2012 гг. удельный вес тех, кто считает, что контроль и влияние государства на социальную сферу (изначально высокие), следовало бы усилить, имеет тенденцию к увеличению.

Таблица 1 – Мнение респондентов относительно роли государства в решении экономических и социальных вопросов [3, с. 540–541]

Варианты ответов	Год проведения социопроса	Кол-во ответов (%)		
		Согласен	Не согласен	Затруднился ответить
1. Государство недостаточно активно вмешивается в хозяйственные процессы	2008	6,4	81,9	11,7
	2009	10,3	83,5	6,2
	2010	17,7	65,1	17,2
	2012	21,7	64,5	-
2. Цены на основные товары и услуги должны устанавливаться государством	2008	36,2	57,5	6,3
	2009	30,9	60,8	8,3
	2010	42,8	44,2	13,0
	2012	43,1	46,7	-
3. Разгосударствление и приватизацию собственности необходимо ускорить	2008	60,6	23,4	16,0
	2009	61,9	22,7	15,4
	2010	53,5	26	20,5
	2012	50,0	26,8	-
4. Государство мало внимания уделяет борьбе с экономическими преступлениями	2008	25,5	64,9	9,6
	2009	17,5	67	15,5
	2010	21,4	58,6	20,0
	2012	35,5	45,5	-
5. Государство недостаточно защищает интересы простых людей	2008	44,7	36,2	19,1
	2009	46,4	37,1	16,5
	2010	53,5	32,1	14,4
	2012	59,9	25,3	-
6. Государство не создает достаточных условий для развития частного предпринимательства	2008	77,7	12,8	9,5
	2009	83,5	7,2	9,3
	2010	72,1	14,9	13,0
	2012	71,1	13,6	-

О том, что подобные ориентации населения нельзя игнорировать свидетельствует недавний печальный опыт такой благоустроенной страны как Франция, где движение «желтых жилетов» показало недопустимость игнорирования государством интересов большой массы населения, не являющейся активным «драйвером» экономики.

В лихие 90-е и начале 2000-х гг. как проявление ментальной амбивалентности следует квалифицировать отношение занятых в промышленности к институту Советов трудовых коллективов. По данным исследований, проведенных белорусскими социологами, а также ВТК кафедры философии БГЭУ в 2002–2005 гг., примерно 2/3 опрошенных высказывались за их создание, но желание участвовать в работе данных образований отмечали лишь около 1/3. Тем самым не находил практического выхода многолетний опыт профессиональной деятельности большой массы работников.

В настоящее время с некоторой осторожностью, но все же с обращением внимания на ментальный фактор, можно объяснить некоторые вялотекущие процессы в сфере инновационной деятельности. Так, в 2017 году на втором съезде ученых Республики Беларусь была отмечена неправомерно низкая со времени принятия государственных программ инновационного развития РБ активность со стороны ученых и работников производства по выдвижению инновационных проектов. Было освоено соответственно 41% и 24% выделенных на эти цели средств по линии Республиканского инновационного фонда и бюджета страны, а также в целом боязнь рисков в государственных программах и на предприятиях.

Одновременно (еще в лоне советского патернализма, консервирующего праксеологический ресурс белорусского социума) нарастали ориентации на поиск сфер и форм проявления личной инициативы. Видимо, наиболее значительным проявлением в этом плане можно считать развитие личных хозяйств работниками агросектора полесских районов Беларуси (Столинского и др.), казалось бы мало перспективных в сфере предпринимательства. Без ущерба коллективному сектору жители этой местности грамотно организовали производство ягодно-плодовой продукции в личных теплицах и на приусадебных участках и ее сбыт (в основном в российский Ленинград). Это существенно подняло уровень благосостояния населения некогда отсталой окраины Беларуси и дало позитивный пример для дальнейшего развития частного сектора в новых условиях суверенного белорусского государства. Одновременно в массовое сознание стали проникать неидеологизированные представления о личных возможностях (и необходимости соответствующих личных качеств) в достижении жизненно важных целей: достойного уровня благосостояния, хозяйственной независимости от показной и авральности местного чиновничества, уважаемого социального статуса и др.

В современных условиях былая дихотомия восточного и западного менталитета эволюционировала в «возрастной» вариант, в русле которого

праксеологический ресурс отдельных групп населения измеряется на основе критериев их идентификации. И здесь очень важным представляется методологический аспект анализа. А именно, понимание механизмов генезиса социокультурных (и в целом социальных) ценностей как критериев социальной идентичности [4]. «Многие современные типы идентичностей, – отмечает в этой связи Л.Г. Титаренко, – являются сконструированными, хотя и не представляются таковыми на уровне массового сознания. Одна из парадоксальных черт приверженности людей (групп, народов) тем или иным ценностям (а идентичности тесно связаны с ценностями) состоит в том, что люди обычно воспринимают их не как собственное создание, а как данность, которая имеет самодовлеющую силу, покоряет и подчиняет людей себе. Только научный анализ позволяет увидеть, что ценности являются конструктами сознания, т.е. продуктами человеческой практики. Участники таких процессов, напротив, обычно считают ценности данными, существующими в мире независимо от их собственной деятельности» [5, с. 10].

Несмотря на неизбежную опасность релятивизма в понимании природы социальных ценностей второй (исторический) подход к их пониманию является продуктивным и более того, позволяющим ассимилировать представления о «вечной» природе ценностей. Применительно к анализу праксеологического аспекта ментальности белорусов это означает, что ее носители все более дифференцируются по степени приверженности ценностям, утверждаемым в условиях современного этапа эволюции техногенной цивилизации. Это, прежде всего, гражданская идентичность (самоотождествление с гражданами Республики Беларусь, международный статус которой состоялась и продолжает укрепляться). «По возрастному критерию, – отмечает Л.Г. Титаренко, подчеркивая перспективность гражданской идентичности, – гражданскую идентичность предпочитает самое молодое (постсоветское) поколение, которое и социализировалось в новом государстве... Прежде популярная для периферийной Беларуси (в границах Речи Посполитой, Российской империи, Советского Союза) «тутэйшая» (территориально-локальная) идентичность постепенно замещается на гражданскую: происходит (хотя и очень медленно) поворот в самоопределении от «тутэйшых» к «гражданам РБ». Это огромный сдвиг модернизационного плана, хотя пока он дает о себе знать лишь в тенденции» [5, с. 13].

Отмеченная тенденция набирает силу, а это означает, что в менталитете белорусов, вследствие растущей представленности в белорусском социуме молодых поколений, будут набирать интенсивность масштабы и общая значимость ориентаций на практическое использование конституционных прав и гарантий на образование, труд, свободу выбора сферы и места приложения своих возможностей и др. без их текущей корректировки со стороны социальной психологии и социально-экономических идеологем (сюда можно отнести и воспетую в 90-е годы либеральную модель

капиталистического развития и ностальгию по советской системе социального обеспечения), как правило, отстающих в адекватном осмыслении событий реальной жизни. Феномен амбивалентности в белорусском менталитете постепенно уходит в историю, давая простор для нового развития прагматологического вектора в менталитете белорусского социума.

Список источников

1. Эканамічная гісторыя Беларусі / Падрэд. В.І.Галубовіча. – Минск: Экаперспектыва, 1996. – 432 с.
2. Сидорцов В.Н. Беларусь в XX веке: нетрадиционное представление истории: Монография / Под ред. В.Н. Сидорцова. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 272 с.
3. Лукашевич В.К., Зубко М.В., Киселев И.Е. Роль государства в становлении постиндустриальной инновационной экономики в Республике Беларусь: реальности и социальные ожидания // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. – Минск: БГЭУ, 2015. – Вып. 8. – 567 с.
4. Йоас Х. Креативность действия / пер. с нем. – СПб.: Алетейя, 2005. – 320 с.
5. Титаренко, Л.Г. Модели национальной идентичности населения Беларуси и перспективы их развития // Философия и социальные науки: Научный журнал. – 2009. – № 1/2. – С. 9-14.

*Е.С. Макеева, доцент
Kmakeeva-1977-2@mail.ru
БГЭУ (Минск)*

Е.С. Макеева. УРОВЕНЬ ТРЕВОЖНОСТИ И КОНФЛИКТООУСТОЙЧИВОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РОСТА СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Современное экономическое образование в Республике Беларусь ставит перед гуманитарными науками ряд вопросов, связанных с профессиональной подготовкой студентов экономического профиля обучения. В условиях перехода общественной системы к построению цифрового формата в экономических отношениях особо актуальной становится проблема личностно-профессионального развития будущих экономистов; а также, определения социально-психологических факторов детерминирующих данный процесс. На сегодняшний день в высшей школе очень важно создать такую образовательную среду, которая будет определять профессиональное и